

Мужики поклонились и пошли на барщину, как ни в чем не бывало.

Рана Швабрина оказалась не смертельна. Его с конвоем отправили в Казань. Я видел из окна, как его уложили в телегу. Взоры наши встретились. Он потупил голову, а я поспешно отошел от окна: я боялся показать вид, что торжествую над несчастьем и унижением недруга.

Зурин должен был отправиться далее. Я решился за ним последовать, несмотря на мое желание пробыть еще несколько дней посреди моего семейства. Накануне похода я пришел к моим родителям и по тогдашнему обыкновению поклонился им в ноги, прося их благословения на брак с Марьею Ивановной. Старики меня подняли и в радостных слезах изъявили свое согласие. Я привел к ним Марью Ивановну, бледную и трепещущую. — Нас благословили. Что чувствовал я, того не стану описывать. Кто бывал в моем положении, тот и без того меня поймет — кто не бывал, о том я только могу пожалеть и советовать, пока еще время не ушло влюбиться и получить от родителей благословение.

На другой день полк собрался — Зурин простился с нашим семейством. Все мы были уверены, что военные действия скоро будут прекращены. Через месяц я надеялся быть супругом. Марья Ивановна, прощаясь со мною, поцеловала меня при всех. Я сел верхом. Савельич опять за мною последовал, и полк ушел. Долго смотрел я издали на сельский дом, опять мною покидаемый. Мрачное предчувствие тревожило меня. Кто-то мне шептал, что не все несчастья для меня миновались. Сердце чуло новую бурю.

Не стану описывать нашего похода — и окончания Пугачевской войны. Мы проходили через селения, разоренные Пугачевым, и поневоле отбирали